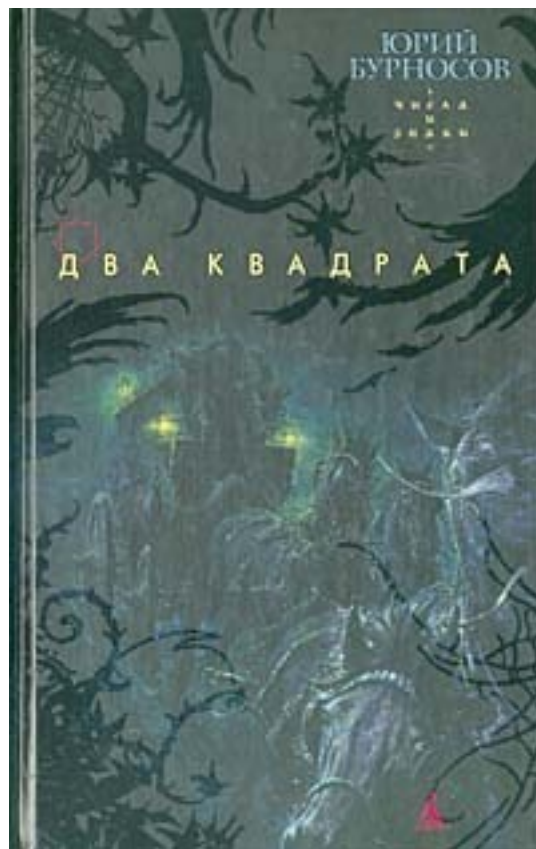

ЮРИЙ
БУРНОСОВ

УЧБА
КНИГА

ДВА КВАДРАТА

Числа и знаки

Юрий Бурносков

Два квадрата

«Автор»

Бурносов Ю. Н.

Два квадрата / Ю. Н. Бурносов — «Автор», — (Числа и знаки)

Роман «Два квадрата» открывает трилогию Юрия Бурносова «Числа и знаки». Эта книга относится к чрезвычайно популярному сегодня жанру, вершинами которого считаются «Имя Розы» Умберто Эко и «Фламандская доска» Артуро Переса-Реверте. В этом жанре хитроумная детективная интрига вплетается в ткань увлекательного исторического романа, а герой, ведущий расследование, нередко задается вопросом – противостоит ли ему преступник из плоти и крови, или же за совершенными злодеяниями стоят темные потусторонние силы. Прима-конетабль Секуративной Палаты Хаиме Бофраик приезжает в уединенный, затерянный в лесах городок, где произошла череда странных и кровавых убийств. Числа и знаки указывают следователю путь, но правда оказывается настолько неожиданной и зловещей, что потребуются многие и многие усилия, чтобы раскрыть тайну смертей, запечатанных двумя квадратами.

© Бурносов Ю. Н.

© Автор

Содержание

ГЛАВА ПЕРВАЯ,	5
ГЛАВА ВТОРАЯ,	16
ГЛАВА ТРЕТЬЯ,	24
ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ,	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Юрий Бурносов

Два квадрата

ГЛАВА ПЕРВАЯ, где мы узнаем, что же привело нашего героя в столь отдаленное место и как в первый же ночлег с ним случились вещи в высшей степени странные и необъяснимые

Девушка Аделина гуляла в саду.

– Сколь мило на белом свете!

– Белые да синие розы рвала.

– Тяжка ты, доля земная!

Скандинавская баллада

Темно-зеленая карета с затершимся гербом на дверце свернула, влекомая четверкой лошадей, с тракта на проселок и сразу же увязла по самые ступицы. Возница поцокал языком и осторожно слез прямо в лужу.

– Хире! – позвал он. – Хире Бофранк!

Из приоткрывшейся дверцы высунулась сонная и растрепанная голова. Длинные волосы с пробивающимися седыми прядями скрывали лицо пассажира, а голос его был вял, словно тело снедала долгая, хотя и неопасная болезнь.

– Что там? Неужели нужно будить меня?

– Застрали, хире, – без особого почтения ответил возница. Почесал брюхо под толстым жилетом и добавил: – Колышек бы выломать...

– Так не мне же лезть, дурак? Пойди и выломай.

Сказав так, длинноволосый скрылся внутри кареты. Его звали Хаиме Бофранк, и служил он при десятой канцелярии герцога в чине прима-конестабля, изыскивая воров, фальшивомонетчиков, мошенников, убийц и других злодеев, умышлявших против добрых граждан. Далекий путь был ему не по душе и не по телу, но перспективы службы говорили, что поездка необходима, и сказаться больным – означало неразумно глядеть в будущие дни. Посему прима-конестабль Бофранк навестил лекаря, запаса порошками и снадобьями и сейчас боролся с недугом, с нетерпением ожидая, когда же прибудет наконец на место.

Трепещущее пламя масляного светильника не позволяло читать в дороге, а постоянные дворы угнетали однообразием, грязью и скверной пищей. На четвертый день пути Бофранк напился, но пробуждение оказалось столь малоприятным, что он оставил и это развлечение, а потому страдал все сильнее. И вот, когда конец пути был так близок, карета невзначай увязла в луже. И виной тому, несомненно, был нерадивый возница, он же симпле-фамилиар канцелярии Аксель Лоос.

Возница появился из-за кустов вереска, обильно покрывших обочины, в одной руке держа топор, а в другой – свежесрубленную слегу. Убрав инструмент в ящик на задке кареты, он постоял в нерешительности, а потом позвал:

– Хире Бофранк!

– Чего еще? – послышалось изнутри.

– Выйдите, я карету вызволю.

– А со мной не вызволишь, что ли? Слаб стал?

Симпле-фамилиар тяжело вздохнул, подsunул слегу под ось и с кряхтением стал вызывать карету из ловушки.

Толстые сосновые стволы, покрытые буро-зеленым мхом, окружали поляну, словно колонны, а мохнатые ветви перекрещивались меж ними на огромной высоте, подобно архитевравам. Буро-зеленым же мхом была покрыта и сама поляна, вернее, даже не поляна, а небольшая проплешина размером, пожалуй, с площадку анатомического театра Академии, в котором в свое время много и усердно занимался будущий конестабль...

– Сие, – говорил низенький старичок-адъюнк, побалтывая сосудом, – моча больного сахарным изнурением. Есть некоторые средства, позволяющие определить степень изнурения, но все они требуют времени, самый же простой – вот.

С этими словами он окунул украшенный серебряным перстнем палец в желтую жидкость, после чего лизнул его и сообщил:

– Мочевые соки имеют сладкий вкус, что говорит о значительном сахарном изнурении.

Внимательно взглядываясь в лица обучающихся, он поставил сосуд на стол рядом с разъятым телом мертвеца и проговорил осуждающе:

– Я вижу, многие из вас кривятся и отвращают глаза, но из того не выйдет достойного ученого, кто брезглив и нелюбопытен.

– Мы не ученые, хире адъюнк, – сказал один из учащихся, рыжеволосый Оппре из Амельна.

– Ученый не тот, кто значится в действительных списках Академии, но тот, кто много знает и способен применить к делу свои знания, – сказал старичок. – Что до дураков и тупиц, то их всегда плодилось много, оттого господь так не любит этот мир...

Бофранк сплюнул навязшую в зубах болезненную солоноватую муть и приступил к осмотру, как того требовал циркуляр.

Стоило наступить на мягкий моховой ковер, как снизу тут же проступила жирная коричневая вода, и Бофранк тотчас промочил ноги, что не улучшило его и без того отвратительного настроения.

Местный чирре, хире Демелант, стоял поодаль, вместе с возницами, дабы не мешать конестаблю. Наместный староста хире Офлан, напротив, топтался рядом и всем своим видом выражал готовность к действию. От старосты сильно пахло острым шафранным соусом и вином.

– Отойдите, хире Офлан, – сказал Бофранк, хотя староста ему совсем не мешал. Офлан почтительно прижал руки к груди и отступил на несколько шагов.

Тело лежало почти посредине поляны, в окружении мелких бледно-розовых, словно озябших, цветочков, высунувших из мха венчики нежных лепестков. Крови, наверное, было много, но вся она ушла в мох.

Было слышно, как возница старосты, пузатый пожилой мужик в короткой овчинной куртке, сказал:

– Видать, дождик пойдет.

Конечно же, пойдет, подумал Бофранк, осторожно прощупывая мох окованным кончиком трости. Это проклятое богом место, сырой лес, обещанная комнатуха в доме старосты – для Офлана, возможно, верх великолепия, а для Бофранка... Что могут ему здесь предложить? Ужасное логовище с крысами под полом и с клопами в толстых пыльных перинах... а теперь еще и дождь.

Конечно же, дождь непременно пойдет.

Господи, чем я так прогневил тебя?

– Хире прима-конестабль, смотрите, – робко подал голос староста. Бофранк поджал губы и посмотрел туда, куда показывал носком башмака Офлан. Изо мха торчала монета, вставшая

на ребро. С того места, где стоял староста, монета была видна хорошо, а со стороны Бофранка – не видна вовсе, но конестабль неожиданно разозлился на себя. Впрочем, он тут же взял себя в руки и учтиво заметил:

– Ваша наблюдательность делает вам честь, хире наместный староста. Осторожно...

Бофранк извлек из кармана мешочек из тонкого шелка, обернул им пальцы, затем, нагнувшись, взял монету за краешек и обернул оставшейся частью ткани.

– На подобных вещах, – пояснил он, убирая мешочек с монетой в карман, – могут остаться совсем не заметные с первого взгляда следы преступника. Посему и обращаться с таковыми вещами следует с наибольшей осторожностью...

Примечательно, что в сказанном сам Бофранк уверен не был, а всего лишь прочел подобное предположение в переводных трудах некоего Адобарда Уиклифа. Однако желаемого результата он добился – староста в удивлении закивал, чирре поднял лохматую бровь.

Бофранк обошел тело. При жизни это была миловидная, хотя и крупноватая телом девушка лет двадцати трех. Наверное, на выданье – в таком возрасте в здешних местах как раз и выходят замуж...

– Отвернитесь! – велел он. Все послушно отвернулись. Подняв длинную юбку покойницы, он произвел необходимый осмотр и, оправив одежду, сообщил:

– Покушения на ее честь не было. Как звали девушку?

– Микаэлина, хире прима-конестабль. Микаэлина Эннарден, дочь мельника Гая Эннардена, – сказал чирре, приблизившись.

Хорошо, что не лето. По жаре тело давно бы стало угощением для мух и жуков.

– В четырех предыдущих случаях голову отрезали точно так же?

– Да, хире прима-конестабль, точно так же. Чисто и аккуратно, словно теленку на бойне.

– Можете не именовать меня чином, чирре, – буркнул Бофранк, в очередной раз зачерпнув краешком туфли холодную воду. – Так и быстрее, и проще. Мы же не на балу.

– Благодарю, – коротко поклонился чирре. Перед отъездом из столицы Бофранк навел о нем кое-какие справки: сорок девять лет, вроде бы из мелко поместных, родом с востока, вроде бы служил в кирасирах. Дослужился до секунда-капрала, вышел в отставку по цензу о рангах и наградах, по возвращении в родные края женился, был избран чирре. Для бывшего кирасирского секунда-капрала у Демеланта было слишком тонкое и красивое лицо, отнюдь не покрытое шрамами, как того можно ожидать от старого рубаки. Такого, как в известной сирвенте:

Вся жизнь – боевая страда:
Походный разбить бивуак,
Стеной обнести города,
Добыть больше шлемов и шпаг.
Господь, не неволь
Ждать лучшей из доль:
Любовных услад
Мне слаще звон лат.

– Велите отвезти тело в поселок и положить на холод, – распорядился Бофранк. – Ледник, думаю, найдется?

Он никак не адресовал свой приказ, посему Демелант и староста переглянулись, и после короткой паузы чирре что-то велел вполголоса своим людям. Двое сняли притороченный к седлу рулон и принялись развязывать ремни – это оказалось большое грубое полотнище, покрытое пятнами – видимо, от недавнего использования с той же целью. В него и завернули покойницу.

– А голову? – спросил молодой гард. Он был напуган, редкие светлые усики на верхней губе дрожали.

Бофранк пожал плечами:

– Голову бросьте туда же.

Молодой послушно выполнил это, ухватив голову за пышную косу, заплетенную баранкой. Золотистые волосы слегка подмокли кровью, но даже в этом сумрачном и промозглом месте, казалось, излучали солнечное тепло, сродни тому, как делают это крупные спелые колосья.

Бофранк сделал несколько энергичных движений руками, потому что замерз, да и позвоночник начал побаливать. Больше тут делать было нечего. Следов нет, да и какие следы – мох, словно плотный ковер с густым ворсом, скрывал все. А с телом можно разобраться и в поселке.

– Я закончил, – сообщил он старосте. Тот учтиво кивнул и осведомился, как соблаговолит поехать хире конестабль – в своей карете или в карете старосты.

– Я поеду верхом, – сухо ответил Бофранк. – Аксель, выпряги Рыжего.

Аксель послушно выпряг Рыжего и подвел к конестаблю.

– Хире чирре, вы не откажетесь быть моим попутчиком?

– С удовольствием, хире прима-конестабль.

– А вы можете ехать вперед, – сказал старосте Бофранк. – Аксель, разберись с ночлегом и обедом... вернее, уже ужином. Мы с чирре долго не задержимся.

Кареты со скрипом развернулись и вскоре уже скрылись из виду за холмом, увозя старосту, гардов и обезглавленную покойницу. Демелант спокойно стоял у дерева, сложив руки на груди.

– Что вы думаете, чирре? – спросил Бофранк, развязывая шнурки на подсумке.

– Вы специально удалили людей, чтобы говорить не чинясь?

– Вы правы. Не думаю, что в том была сильная нужда, но всегда лучше, когда собеседников лишь двое. Курите?

– Прошу простить, конестабль, но уже много лет, как оставил эту дурную привычку.

То, что чирре без труда перешел на чин и не вставлял навязшего в ушах «хире», Бофранку понравилось. Он, не торопясь, набил в трубку лохмотья табака, умял пальцем и чиркнул спичкою. Блеснула искра, и деревянная палочка, покрытая воском, с шипением загорелась.

– Спички, – сказал Демелант. В голосе его послышалось сожаление, и Бофранк поднял брови.

– Спички, – повторил чирре и пояснил: – У нас тут все больше кресала... Поистине дыра, позабытая господом.

– Возможно, возможно... Так что вы думаете, чирре? Говорите обстоятельно и открыто, я вас внимательно слушаю.

– Да мы уж все передумали, – сказал Демелант. – Опыта сыска нет, да и подобного никогда не случалось. Воруют, так где не воруют, на дороге грабят, так где не грабят. А тут – странное, конестабль, необъяснимое. В поселке паника. Люди не выходят из домов, никто не ходит в лес за грибами, за хворостом, за дровами... Затем вас и позвали. Хире наместный староста не хотел письма подписывать, мол, сами разберемся, да после четвертого случая сам за мной прислал. А тут как раз и это... – Чирре кивнул на проплешину, где мох уже распрямился, почти скрыв очертания недавно лежавшего здесь тела.

– Кто нашел девицу?

– Старуха. Одна из немногих, кто ходит за хворостом. Прибыльный промысел сегодня. – Чирре невесело улыбнулся.

– Старуха, значит, не боится?

– Старуха говорит, что все от господина, стало быть, и смерть ее тоже. Да и жадна старая курица... Но теперь, мнится мне, больше в лес не пойдет. Чуть жива была, как прибежала.

– Так, – Бофранк машинально потрепал по шее потянувшегося к нему Рыжего. – Поедемте, чирре. В дороге продолжим.

Невесел был путь назад, и Бофранк еще раз уверился, что худшего места покамест не видал. Везде суший мох полз по древесным стволам, фестонами свисал с ползучих растений-паразитов, канатами оплетавших весь лес; из него там и сям торчали странного и непристойного вида бледные головастые грибы, словно жуткие гномы выставили из-под земли в насмешку над проезжим свои тайные уды... Сырой, больной воздух заставил Бофранка раскашляться, и он поспешно затянулся благотворным табачным дымом.

Ни одной живой твари не увидел конестабль по пути, только в древесной выси порой кто-то возился и хрипло, как удавленник, стонал. Нет, лес в имении отца Бофранка, лес его детства, был совсем иным – приветливым, теплым, залитым солнцем. А сюда, казалось, не достигают солнечные лучи, не приходит лето...

– Вы все отменно описали в письме, так что не стану утомлять расспросами. Но есть ли у вас кто-то на подозрении?

– В таком случае я не звал бы вас, конестабль, – покачал головой Демелант.

– Нет ли в окрестностях сект или храмов, исповедующих странные, а то и запрещенные веры?

– Если и есть, то совсем уж тайные, о которых нам неизвестно. Вы полагаете, что убийства могут быть частью запретных ритуалов?

– Почему нет, чирре? Я сталкивался с подобным: вырезали сердце и печень. Но это случилось давно и далеко.

– Я не знаю, что делать, не знаю, что думать, – признался чирре. – Я беспомощен, как дитя. Лучше бы это были лесные грабители, с ними я нахожу общий язык. С ними – но не с бестелесными призраками, которые приходят за головами.

– Вы пишете, что на лицах мертвых нет особого испуга.

– А он должен быть непременно?

– Нет, совсем нет... – рассеянно сказал конестабль. – Но ничего страшного перед смертью они не видели. Например, дьявола.

Чирре сделал быстрый жест, отгоняя нечистого.

– Или не успели увидеть, – сказал он. Некоторое время они ехали молча. Бофранк заметил, что темнеет значительно быстрее, чем он ожидал.

Солнце, до того неясным пятном размазанное по низким облакам, уже садилось за вершины сосен.

– Никакой связи, – заговорил чирре, продолжая, видимо, вслух свои невысказанные мысли. – Никакой связи. Парнишка-прислужник, гард, монах, почтенная дама, теперь вот дочь мельника...

– А если связь – в отсутствии связи?

– Что вы сказали, хире конестабль? И что я сказал? Я что-то говорил... Извините, наверное, задумался...

– Вы говорили об отсутствии связи, о том, что жертвы были совсем разными людьми, разными во всем. А я предположил в ответ, что связь может быть и в отсутствии связи.

– Связь – в отсутствии связи, – повторил Демелант. – Мудро. И бессмысленно. Точнее, бесполезно, конестабль. Это значит, что мы все равно не ухватим кончик нити.

Дорога пошла вниз, потом снова вверх. Кони шли медленно, поглядывая по сторонам. Рыжий громко выпустил газы.

– Кладбище, – заметил чирре, поведя рукою влево. В самом деле, в нескольких шагах от дороги, среди нагромождений спутанного колючего кустарника виднелись могилы.

Таких Бофранк не видел давно – в городах исповедовали строгий, но богатый облик юдолей скорби,obelisks черного и белого камня, зачастую украшенные резьбой. Здесь же невысокие холмики венчали грубые деревянные столбы, в основном очень старые, некоторые – подгнившие и покосившиеся... В небогатых поселениях место последнего упокоения обозначали такими простыми столбами без указания, кто именно тут захоронен, – родным и близким и без того положено помнить, а чужому человеку нет нужды топтаться подле незнакомых могил.

Ближе к поселку столбы белели свежоошкуренной древесиной, наверное, где-то здесь будут захоронены предыдущие жертвы, здесь же закончит свой путь и безголовая красавица Микаэлина.

– Хижина смотрителя, – продолжал свое повествование Демелант. Унылый вид кладбища предполагал под хижинной хозяина покосившееся древнее строение, но было не так – островерхий небольшой домик стоял чуть поодаль, из трубы вился дымок, у невысокого забора щипали траву две грязные белые козы.

– Смотритель – старый Фарне Фог, живет один одинешенек, тихий и приятный человек.

– И не боится здесь один?

– А что ему остается?

Показались первые дома поселка, и Бофранк этому весьма обрадовался, потому что внешне подступил страх, который витал вокруг и ждал подходящего момента, чтобы вцепиться. Пистолет на поясе и шпага казались ничтожной и слабой защитой. У чирре же и пистолета не было, только широкий, заметно шире положенного уставного, клинок, притороченный к седлу.

Закрытые ставни, высокие ворота, бревенчатые стены. Поселок казался безлюдным, но конестабль знал, что сквозь щели и прорези сейчас смотрят на него десятки глаз, смотрят с надеждой и подозрением. Мужичье, отребье, при случае с удовольствием распластавшее бы его косою или пронзившее вилами – Бофранку доводилось быть в герцогской комиссии после крестьянских войн на Западе, и он видывал их страшные последствия, – сейчас верило, что расфранченный хире с бледным лицом, приехавший из самой столицы, найдет убийцу и накажет по заслугам. Хире ведь знает, хире не напрасно приехал сюда в своей маленькой темно-зеленой карете, и не зря у хире на поясе висит хитроумная машинка, убивающая свинцом...

– Вы остановитесь у старосты? – спросил чирре. Демелант не мог этого не знать, но требовалось какое-то продолжение разговора.

– Хире Офлан любезно пригласил меня к себе, и я не видел причин отказать.

– Здешний постоялый двор вряд ли удовлетворил бы вас, равно как и иное другое жилище. Я довольно беден, так что тоже не предлагаю вам пристанища. Но если найдете время и желание навестить меня...

– Не премину это сделать, – ответил Бофранк из приличия, хотя не собирался становиться гостем чирре.

– В таком случае желаю вам приятного ужина и спокойного ночлега. Завтра утром я заеду за вами, конестабль.

– Хорошо.

Пришпорив коня, Демелант поскакал по пустынной широкой улице, а конестабль спешился и повел Рыжего к большому дому старосты. Здание представляло собой довольно уродливое нагромождение башенок, возвышавшееся над остальными строениями поселка вдвое. Ставни здесь были открыты, во многих комнатах горел свет. Поскольку Офлан не производил впечатления большого храбреца, Бофранк решил, что это представление устроено специально для него. Что ж, пусть так.

– Добрый вечер, хире прима-конестабль! – поклонилась встретившая его супруга старосты, толстая, с лицом добрым и до крайности глупым, каковое сочетание столь часто встречается у тучных людей. Тут же толклись сам староста и верный Аксель, который хоть и был низкого сословия, все же приехал из столицы, имел чин и требовал какого-либо уважения.

Судя по масляным щекам и веселым глазкам, толику этого уважения Аксель уже получил в виде кувшина вина и доброй порции ветчины с овощами. Да и поселили его скорее всего в отдельной комнате, а не со слугами, как надо бы.

– И вам добрый вечер, хириэль Офлан. – Конестабль коротко поклонился и поцеловал пухлое запястье, унизанное жемчужной нитью и пахнущее ванилью.

– Ваша комната готова – смею надеяться, она вас устроит. Но прежде вас ждет ужин.

– Мне нужно вымыть руки, хириэль Офлан.

– Да-да, конечно. Ваш слуга вас проводит, ему уже показали дом и постройки... А затем прошу вас в обеденное зало, там все готово.

– Зало...

Аксель, слегка шатаясь, проводил конестабля к медному рукомоюнику. Под выщербленным зеркалом лежало на полочке свернутое полотенце.

– Мыла нет, – развел руками Аксель. Взглянув на наглую его рожу, Бофранк спросил:

– А ты разве не взял из дому?

– Брал, да куда-то задевалось.

– Вижу, что врешь, совсем не брал, да что теперь... Завтра же купи в лавке, если здесь есть. А нет, так спроси хорошо у старосты.

– Было бы, так положили бы, – буркнул Аксель и, дождавшись, пока хозяин ополоснет руки, сунул ему полотенце.

– Отправляйся спать, и чтобы утром ничего не пил, а то велю чирре выпороть тебя, – велел Бофранк. Слуга послушно закивал.

Пресловутое «обеденное зало» располагалось на втором этаже постройки и представляло собой большую комнату без окон, в одном углу которой помещался камин. На обшитых светлыми досками стенах висели звериные шкуры, охотничье оружие, сидели на ветвях птичьей чучела. Длинный стол был накрыт к ужину, но семейство, очевидно, дождалось высокого гостя и к трапезе не приступало. Помимо самого хире Офлана и его супруги здесь присутствовали Двое сыновей старосты, маленькая дочь и священник с круглым медальоном братства бертольдианцев.

– Прошу вас, хире прима-конестабль. – Староста придвинул к столу кресло с высокой спинкой, застланное серой мохнатой шкурой. Надеюсь, что в ней нет паразитов, Бофранк сел.

– Мои сыновья, Титус и Симонус, – представлял тем временем свое семейство хире Офлан. – В будущем году хотим направить Титуса на учение в военную школу, может быть, составите протекцию, хире прима-конестабль?

– Ознакомившись со способностями – непременно, – расплывчато посулил Бофранк.

– Моя дочь, Магинна. А это – мой двоюродный брат, фрате Корн.

Священнику по статусу полагалось поцеловать руку, но Бофранк ограничился учтивым поклоном. Если священнику это и не понравилось, он ничем не выдал своего неудовольствия. Фрате Корн выглядел старше своего брата, но сложением был куда сухощавее. Он вертел в правой руке – и Бофранк заметил, что мизинец на ней обрублен – двузубую медную вилку.

– Вот поросенок, – староста снял крышку с продолговатого блюда, – вот жареные перепелки, чиненные орехами, вот овощи... Квашеный лук, рыбка из нашего озера... Вино трех сортов, я уж не знал, какое вам более по вкусу, а если прикажете, можно подать и пива...

– Благодарю вас, хире Офлан.

У конестабля и в самом деле проснулся аппетит, и он поспешил положить себе на блюдо солидный кус поросенка, щедро приправив его соусом и тушеными овощами. Еда оказалась простой, но вкусной, а после третьего бокала вина – к слову сказать, отменного – у конестабля слегка закружилась голова.

Староста шумно рассказывал что-то о местной жизни, его супруга ахала в нужных местах, дети ели, уставясь в тарелки. Священник тоже не являлся аскетом и уверенно поглощал

перепелок, то и дело прикладываясь к бокалу. Это был жующий и говорящий мирок, отгородившийся в этой зале с жарко пылающим камином от ужаса, царящего снаружи. Об убийствах говорить боялись, говорили о море, напавшем на овец, о свадьбе молодой хиреан Эдель, о том, что дамба на озере может прохудиться и не худо бы пригласить из столицы инженера... Бофранку стало не приятно. Он сделал большой глоток вина и громко, перебивая очередную тираду старосты, спросил:

– Кто был женихом убитой хиреан Эннарден?

Молчание обрушилось, словно трухлявый потолок.

Староста замер с вилкой в руке, его жена тихо охнула.

– Дети, вам пора спать, – сказал Офлан, сделав усилие над собой. Оба мальчика и девочка тут же поклонились и, бросая осторожные любопытные взгляды на приезжего, удалились. Когда дверь за ними закрылась, священник хотел что-то сказать, строго воздев палец, но Бофранк звонко положил на столешницу нож и опередил его:

– Вы думаете, что я приехал и теперь всем вашим бедам конец. Хире наместный староста, так не бывает. Я ничего не знаю, и то, что я видел сегодня, испугало меня не меньше, чем вас. Может быть, немного меньше, я все же повидал мертвых в разных видах, но я не всемогущ. Я – человек, я могу ошибаться, в конце концов, я смертен. То, что происходит, ужасно. И если мы будем вот так сидеть, запершись, за уставленным яствами столом, мы все умрем. И в одно прекрасное утро нас найдут обезглавленными, точно так же, как бедную хиреан Микаэлину Эннарден.

Староста молчал, уставясь в пол.

– Молодой Рос Патс, – произнесла еле слышно толстуха.

– Что?

– Молодой Рос Патс, сын Эхеме Патса. Он хотел жениться на несчастной... на несчастной Микаэлине...

Женщина шумно зарыдала, прижав к лицу ладони.

– Прошу меня извинить, хириэль.

– Не извиняйтесь, – сказал священник. – Вы излили то, что думаем мы все. Я понимаю, хире Бофранк, что стены не скроют от зла, как и пустые разговоры... но... мы очень боимся.

– Вы говорите об этом и своей пастве?

– Пастве я говорю, что господь велик и все в руках его. И не советую покидать дома после захода солнца. Может быть, эти мои слова не слишком сочетаются, но я даю людям надежду и оберегаю их добрым советом.

– Это правильно, фрате. То, что вы не советуете покидать домов с наступлением темноты. Бог же, как я вижу, покамест занят иными делами. Насколько я знаю, один из слуг его тоже мертв?

– Да, брассе Зиммер. Он был вторым из убиенных. – Священник опустил тяжелые веки, видимо, ему не так уж просто было вспоминать об этом. Супруга старосты продолжала тихонько плакать, а ее муж, насупясь, потянулся за кувшином.

Положив в рот маленький кусочек рыбы, Бофранк аккуратно, опасаясь проглотить ненароком кость, прожевал и запил вином.

– Где был найден брассе Зиммер? Чирре мне писал достаточно подробно, но вы знали убитого и можете сказать что-то такое, чего хире Демелант не заметил.

– Брассе Зиммер был найден во дворе дома, где живут монахи. Монастырь невелик, это даже и не монастырь, а подворье при храме, где и окормляются монахи, числом шестнадцать.

– Шестнадцать без Зиммера? – уточнил конестабль.

– Шестнадцать с Зиммером. Я исполняю обязанности настоятеля, но живу в селении, а монахи – все вместе, в большом доме рядом с храмом. Как и велено писанием, ворот и ограды у

их скромного обиталища нет, дабы каждый страждущий мог войти беспрепятственно... Оттого один из монахов и дежурит каждую ночь во дворе.

– То есть брассе Зиммер оставался снаружи, находился вне дома?

– Да... В противном случае другие послушники услышали бы шум борьбы или... Или увидели бы что-то.

– Борьбы? Разве была борьба?

– А чирре не сказал вам? – Фрате Корн удивленно посмотрел на конестабля. – Конечно, была. По крайней мере, брассе Зиммер оказал сопротивление. Его посох был сломан пополам и лежал неподалеку от тела.

– Где сейчас этот посох? – Бофранк подавил желание подняться. Даже если останки посоха и уцелели, что проку бежать и смотреть на них среди ночи? Нет, довольно, довольно вина. Он посмотрел на еду – порезанные вдоль белые зубчики чеснока лежали среди багрового соуса, словно выбитые человеческие зубы... Как все гадко!

– Посох сохранен послушниками, и завтра я покажу его вам.

– А молодой Пост...

– Патс. Рос Патс.

– Да-да, молодой Патс. Чем он занимается?

– Помогает отцу. У них большая семья, солидное хозяйство, много скота. Для обоих семейств это была хорошая партия...

– Я смогу с ним встретиться?

– Конечно, завтра же.

– Утром он предлагал созвать ополчение, – мрачно сказал староста. – Пришел ко мне и потребовал. Ночные дозоры, факелы... Я запретил.

– Почему? Мне кажется, это разумно. – Бофранк повернулся к старосте. Тот поскреб рукой морщинистое толстое лицо.

– Вот вы – человек военный, государственный, – задумчиво сказал он. – Знаете, наверно, такое, чего нам не положено или по скудоумию нашему недоступно. Затем мы и отписали герцогу, хотя попервоначально не хотели. А теперь вижу – правильно написали, вот вы здесь, и уже думать заставили... Но не все хорошо, что по-вашему. Понимаю парня, у него суженую убили, голову отрезали. Но что сделать-то? Нас, вояк, – раз, два и обчелся, гарды и чирре, ну, еще человек пять, кто в солдатах был. Остальное – фермеры да молодежь, что пики в руках не держали, им это в игру! Да и тех негусто. Поселок-то наш – одно название, что поселок, а по дворам давно пора его из реестра... Не можем мы ночью, с факелами да в дозор, хире прима-конестабль. И не только потому. Думаете, не говорил я с людьми? Говорил, с уважаемыми говорил: с чирре тем же, с хире Дилли, с хире Эннарденем, что отец убиенной, с другими... Боятся люди. Боятся, потому как думают – не человек это вовсе. Не человек, – повторил староста тихим шепотом. – А против не человека что же с факелом да со старой пикой? Если уж брассе Зиммера, слугу своего, господь не уберет... Да Рос-то, он не успокоился, хире прима-конестабль. Сказал, сам соберет, кто в добровольцы хочет, да вижу, не собрал никого. На улице-то, видите, темно да тихо. – Староста ткнул пальцем в сторону черного окна. – Нету ночных дозоров. Нету. А что неправильно сделал, то ругайте, может, по-вашему и переделаем...

Бофранку стало неловко – староста при глупости своей рассуждал во многом верно.

– Со своей стороны, я имею другую идею, – сказал священник. – Я слышал, что в дне пути от нас, в Мальдельве, сейчас пребывает грейсфрате Броньолус, известный своими трудами о происках темных сил и способах борьбы с нею...

– Вы хотите пригласить Броньолуса? – Бофранк поднял брови. – Что ж... Если он согласится приехать, его присутствие может оказаться полезным. Я пока оставляю в стороне происки темных сил, но, как большой знаток забытых сект и редких культов, грейсфрате Броньолус будет мне в помощь.

– В таком случае я завтра же пошлю гонца в Мальдельве, – утвердительно кивнул староста.

Поднявшись, констебль сказал:

– А я завтра же буду говорить с жителями сам. Спасибо вам за ужин, хириэль, он был замечателен. До свидания, фрате Корн. До свидания, хире Офлан.

– Позвольте, я провожу вас в комнату. – Толстуха поспешно поднялась, утирая с лица остатки слез. Шелестя платьями, она проследовала вперед и, держа в руке взятую с подставки сальную свечу, повела Бофранка по широкой лестнице вниз.

– Вот, – сказала хириэль Офлан, распахивая дверь.

Комната оказалась сносной, с большой кроватью под узким окном, закрытым ставней, с жарко пылающим очагом, с сундуком в углу, на котором Аксель уже сложил дорожные принадлежности хозяина, со столом и двумя массивными стульями.

– Если что понадобится – вот, дерните за шнурочек, – показала женщина. – Придет кто-нибудь из слуг.

Она еще некоторое время сновала по комнате с необычайным для столь крупного тела проворством, поправляла перины, подвигала стул, а напоследок поинтересовалась, нужен ли хире констеблю ночной горшок. Бофранку эта мысль была противна, и он покачал головой – сделал большую ошибку, как выяснилось уже совсем скоро.

Выпитое вино дало о себе знать, когда констебль уже почти задремал после обязательного принятия лечебных снадобий и настоев. Поворочавшись под толстой периной, он попробовал переležать позыв, но ничего не получалось. Пришлось на ощупь натягивать штаны и сапоги, причем проклятая свеча куда-то за пропала, а другой у Бофранка не имелось. Он, правда, подергал шнурок, но на зов никто не явился. Видимо, слуги спали. Поднимать шум, чтобы не стать завтрашним героем шуток здешней дворни, констебль не желал и решил справиться самостоятельно.

Дверь комнаты выходила в коридор с укрепленным под самым потолком тусклым масляным светильником. Вряд ли он горел тут всякую ночь – очевидно, оставили зажженным ради удобств гостя. Из коридора имелся выход во внутренний двор. Уборная – это Бофранк заметил еще по приезде – по дурной провинциальной традиции помещалась именно там, и теперь, пробираясь к ней, констебль пару раз наткнулся на торчащие оглобли повозок, наступил на скользкую кучу отбросов, от которой с криком бросился перепуганный кот. В небе висела неожиданно яркая луна, сплошь покрытая, словно лишаями, неправильными пятнами, но свет ее был зыбок и беспомощен, создавая странные миражи и химеры и более мешая, нежели помогая.

Наконец он открыл шаткую дверцу уборной, откуда тут же шибануло густой вонью. Закрывать ее констебль не стал, и не только для притока свежего воздуха – слабый лунный свет и без того еле освещал внутренность деревянного домика, а ненароком упасть в зловонную дыру Бофранк не желал.

Он расстегнул штаны, расставил ноги и стал мочиться. Упругая струя исправно била куда-то вниз, в булькающие и живущие своей омерзительной жизнью глубины отхожего места.

– Стойте так, хире, – сказал кто-то за спиной. – И не волнуйтесь, а то ваша рука дрогнет и вы ненароком обмочите штаны, а они из хорошей ткани. Право же, их будет жаль.

В более глупую ситуацию Бофранк еще не попадал. Он продолжал мочиться, судорожно перебирая возможные варианты своего спасения. В том, что его сейчас прикончат, констебль ничуть не сомневался – чего же еще может хотеть от чиновника из столицы ночной незнакомец, врасплох заставший его в уборной?

– Пистолет трогать не надо. Продолжайте свое дело и слушайте, я не собираюсь причинять вам зла.

Пистолет. В самом деле, хитрая машинка, снаряженная на два выстрела черным пахучим порохом и свинцовыми пулями. Но он висел слишком далеко на спине, Бофранк сам передвинул туда кожаный чехол, когда собирался расстегнуть штаны...

Судя по голосу, говорящий был молодым еще человеком с правильной, грамотной речью, не деревенщина-дуболом, который пришел обрезать кошелек, предварительно стукнув его обладателя колотушкой по затылку... Как он проник во двор дома старосты? Или он живет тут? Работник?

Мысли металась под черепным сводом констебля, а проклятая струя все не кончалась, словно почки с мочевым пузырем взялись переработать для своих нужд все соки тела.

– Ваш приезд, хире, был неожиданностью, – рассудительно толковал незнакомец за спиной. – А неожиданности вообще противны человеческой натуре, хире констебль, и человек делает все, чтобы их предупредить. Вы ведь согласны со мной?

– Согласен, – сказал Бофранк, стараясь, чтобы его голос не выдал ни растерянности, ни испуга.

– Вы сразу показались мне рассудительным и достойным человеком, хире. Поэтому завтра утром вы соберетесь и уедете обратно. Мы не просим вас ехать тотчас же, на дорогах у нас шалют, и даже сам прима-констебль самого герцога может оказаться обыкновенной жертвой разбойников.

– Вы угрожаете мне?

– Вы ничего не понимаете, хире. Я вас спасаю.

Голос умолк, и Бофранк решил было, что таинственный собеседник покинул его, но тот продолжил тихо и напевно:

– Именем Дьявола да стану я кошкой,
Грустной, печальной и черной такой,
Покамест я снова не стану собой...

Послышались тихие шаги, хлюпающие по грязи, и Бофранк удивился, как он не услышал их приближения. Тем временем организм завершил свои отправления, и констебль, наконец, смог застегнуть штаны, взять в руку пистолет и покинуть вонючую уборную. Но догонять было уже некого, а может, давешний собеседник спрятался – в черной тени сараев, или согнанных к забору повозок, или поленницы... Прятался и улыбался, как улыбался бы и сам Бофранк, доведись ему обнаружить кого-то столь важного в столь глупом положении. И что это за стихи о кошке? Наговор?

Таращась во тьму, Бофранк, тем не менее, обошел двор и только тогда вернулся в дом. И только там, ворочаясь в постели под жаркой периной, сообразил, что голос – низкий, густой, с хрипотцой, – все же был женским.

ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой мы немного узнаем о прошлом Хаиме Бофранка, обнаруживаем презлого карлика, встречаем молодого хире Патса и ужасаемся находке, сделанной на леднике

К великому нашему прискорбию, должны мы сообщить Вам, что в Вашей стране от времен язычества все еще остается множество опасных лиходеев, занимающихся волшебством, ворожбой, метаньем жеребьев, варкою зелья, снотолкованием и тому подобным, каковых Божеский закон предписывает наказывать нещадно.

Послание Вормского Собора Людовиду Благочестивому

Прима-конестаблю Хаиме Бофранку на святого Ардалия исполнилось тридцать шесть лет. Он родился в семье зажиточного университетского декана в веселое время Второго церковного бунта. С балкона своего дома на улице Виноградарей, что подле Иеранского университета, маленький Хаиме широко раскрытыми глазами смотрел на визжащих монахов, которых нагоняли угрюмые горожане с палками и ножами. Монахов связывали, грузили в большие повозки и везли прочь.

Особенно Бофранку запомнился один толстяк, в разорванной почти напололам сутане, чьи половины держались на теле лишь благодаря жесткому воротнику. Толстый монах, заведя набегаящих из переулков горожан, бросился к высокой ограде, отделявшей дом декана от улицы. Он полез по железным прутьям, отчаянно цепляясь за кованые узоры, и преуспел в этом, добравшись почти до самого верха. Мальчик не знал, что произойдет, если монах попадет внутрь. Скорее всего кто-нибудь из прислуги выгонит его вон, на расправу толпе...

Монах уже перебрасывал свое тучное тело через острые верхушки ограды, когда снизу его поддели рыбацким крюком на длинной палке и потащили вниз. Толстяк истошно завопил, тараща глаза, по жирному подбородку текли слюни, а вниз, прямо в шевелящуюся массу людей, струей била моча. Наверное, монаха убили сразу же, потому что крик прекратился, как только он исчез из виду. Маленький Хаиме стоял, вцепившись в балконные перила, и смотрел, как толпа откатывается от ограды, словно морская волна во время отлива.

Это было в те дни, когда опальный Иньор Отшельник посвящал церковным деятелям немислимые стихи:

А о епископе суд изреку вам свой:
Обманут им весь мир и даже дух святой,
Зане он напоял так свои песни лжой
И речью резкою и сладостью пустой,
Что гибельны они тому, кто их ни пой;
Зане он был скомрах пред глупую толпой
И хитрой лестию пленял сердца порой,
Зане дары от нас текли к нему рекой,
И из-за хитрости он сан обрел такой,
Что обличить его нет силы никакой.
А как накрылся он и рясой, и скуфьей,
Так в сей обители свет заслонился тьмой.

Зачем отец позволял мальчику видеть все это?

Наверное, затем, чтобы Хаиме многое понял. И старый декан оказался прав.

В четырнадцать лет, получив хорошее домашнее образование, Хаиме Бофранк был поставлен перед выбором дальнейших путей обучения. Ни торговля, ни дипломатия не привлекали его, к тому же с младых лет он страдал разнообразными хворями и крепостью здоровья не отличался. Домашний лекарь, хире Асланг, дважды спасал мальчика от неминуемой, казалось бы, смерти, и отец решил, что с таким здоровьем ему прямая дорога разве что в архивариусы или библиотекари.

Но Хаиме так не думал.

Несмотря на физическую слабость и хворобы, он брал уроки фехтования и дрался изрядно, с прилежанием учил языки, интересовался физическими опытами, химией. Отец не препятствовал, благо преподавателей в университете хватало, а заниматься с сыном декана многие из них почитали за честь.

Однажды вечером, когда отец, по обыкновению, работал в своем кабинете, Хаиме вошел к нему без стука. Все знали: когда отец работает, к нему лучше не входить никак – ни со стуком, ни без стука, а уж коли вошел, то имей к тому очень и очень весомое основание.

Хаиме такое основание имел.

– Добрый вечер, отец, – сказал он, словно они и не виделись чуть менее часа назад за чаем.

– Что такое? – с недовольством спросил старший Бофранк, продолжая писать.

– Я хотел попросить вашего позволения на учебу.

– Я, кажется, никогда не препятствовал тебе в учебе... Зачем тогда позволение?

– Это учеба иного, особого рода, – сказал Хаиме и положил перед отцом городскую газету. – Вот здесь, в нижнем углу.

Тот положил перо на серебряную подставочку в виде арфы и прочел указанное:

– «Секуративная Его Величества палата объявляет о наборе на обучение граждан не старше 30 лет, но не моложе 15, кто видит в себе способности изыскания врагов государства, злых и дурных людей, а также восстановления справедливости». До чего безграмотно составлено... И что, мальчик, ты пришел испросить моего разрешения пойти учиться в эту... Секуративную Палату?

– Да, отец, – отвечал Хаиме с легким поклоном. – В академию при оной.

– Это неожиданно. – Декан отложил газету и внимательно посмотрел на сына. – Что тебе в том?

– Думаю, это интересное занятие, отец.

– Интересное? Это значит полностью посвятить жизнь копанию в грязи, в мерзости! И потом – ты слишком юн!

– Я волен сам выбирать себе дальнейший путь.

– Так иди и потом не сетуй, ибо я не приму тебя с жалобами!

Это и было соизволение, которого так добивался Хаиме.

Проснувшись утром в доме старосты, Бофранк сделал несколько простых упражнений, чтобы вернуть членам гибкость и разогнать остатки сна. После того он долго расчесывал свои волосы, но пудру и румяна решил не употреблять – лишнее занятие, в этих местах совсем никчемное.

Затем он достал и осмотрел найденную монету – при помощи зрительного стекла – не такого, как в очках, а специального, выпуклого, каковое увеличивает предмет многократно против его размеров. Монета оказалась старым двусребреником – их не чеканили уже лет с сотню, – без каких-то примечательных знаков, зарубок и помет. Нет ничего: так бывает всегда, когда надеешься найти след.

Наскоро позавтракав хлебом и сыром, Бофранк отправился к молодому хире Патсу. После того констебль собирался сходить на ледник и осмотреть остальные тела, а потом наведаться к монахам и кладбищенскому смотрителю. Он спросил дорогу у заспанного дворового мальчишки, велел не сопровождать его и не подавать коня. Староста, видимо, еще спал, как и все его семейство.

Вчерашнее приключение Бофранк решил осмыслить потом, а сейчас наслаждался свежим воздухом и пешей прогулкой.

Первые лучи солнца еще не тронули землю и серые заборы, но это уже было утро, и притихший на ночь поселок оживал. Женщины, опасливо поглядывая на приезжего, вели разномастных коров, а у одного из домов Бофранк заметил препротивного карлика в довольно почтенных летах. Карлик строгал палку, стоя у ворот, а когда завидел Бофранка, скорчил гадкую рожу и закричал, приплясывая:

– Жаба! Жаба! Младенчика съел!

Затем карлик пал на колени и приткнулся в отверстие под воротами, словно бы для собак и кошек, но побольше, из чего Бофранк заключил, что для карлика оно и было назначено. Очевидно, это был местный помешанный, не мешало расспросить о нем подробнее у той же хириэль Офлан – подобные ей матушки обыкновенно знают всю подноготную соседей.

Молодой Рос Патс колот дрова возле своего дома. Обнаженный по пояс, несмотря на сырую прохладу, он легко взмахивал огромным топором. Стоя спиной к дороге, он не заметил Бофранка, и тот стоял некоторое время молча, наблюдая за работой молодого человека. Когда констебль уже решил заявить о своем приходе, из-под лезвия топора вылетела довольно длинная и острая щепка и вонзилась в шею Бофранка чуть выше левой ключицы.

Констебль вскрикнул от боли и неожиданности. Молодой человек выронил топор и в тревоге обернулся.

– Хире! – воскликнул он. – Я не знал, что вы... Вы ранены?!

– Ерунда, – заключил Бофранк, осторожно вытаскивая щепку. – Если бы не столь широкий ворот, она застряла бы в одежде... Царапина.

– Ее нужно смазать бальзамом. Пойдемте в дом, хире, – настаивал Патс. Бофранк последовал за ним и очутился в просторной прихожей, где на стенах пучками сушились травы, а на гвоздях висела свернутая рыбацкая сеть.

– Пройдемте вот сюда, к очагу... – Патс отворил еще одну дверь и усадил пострадавшего гостя на крепкий деревянный табурет. В очаге пылал огонь, пахнувший смолой.

– Позвольте я помогу вам снять куртку... – Патс осторожно положил ее на стол. – Довольно много крови, хире... Сейчас я принесу тряпицу и бальзам.

С этими словами он исчез на винтовой лестнице, поднимавшейся на второй этаж дома, а Бофранк смог, наконец, оглядеть жилище.

Огромная комната, помимо очага и обеденного стола с несколькими табуретами вокруг, вмещала массивную полку, уставленную книгами, и ложе, застланное черной мохнатой шкурой. Как объяснил Бофранку мальчик, молодой Патс жил отдельно от отца и семьи вот уже пару лет, как и подобало самостоятельному юноше, имеющему солидные взгляды и устремления.

– Вы, наверное, хире Бофранк, прима-констебль из столицы? – осведомился вернувшийся Патс. Он аккуратно помазал рану перышком, предварительно окунув его во флакон темного стекла с широким горлышком, а потом прикрыл ее белой тряпицей.

– Да, хире Патс.

– Я знал о вашем приезде, но не думал, что вы решите навестить меня. Хотя догадываюсь, что вас привело...

Говоря это, Патс придерживал тряпицу, едва касаясь пальцами тела Бофранка, и тот неожиданно почувствовал противоестественное возбуждение. Словно ощутив это, молодой человек убрал руку, сказав:

– Ну вот, бальзам немного подсох, теперь он будет держать повязку до тех пор, пока рана не затянется... Позвольте, я помогу вам одеться.

– Я сам, – сказал Бофранк, может быть, излишне сухо. Застегивая пуговицы, он продолжал: – Вчера хире Офлан сказал мне о вашей идее насчет дозоров, ополчения...

– Если и вы считаете, что идея нехороша, я выйду один.

– Это никому не нужно, хире Патс.

– Откуда вам знать?

– Не забывайте, что одновременно везде находиться нельзя. Если ваши дозоры будут в одном месте, то убийца может прийти в другое, к женщинам и детям, оставленным в одиночестве.

– Я думал... – молодой человек упер локти в стол и обхватил руками голову, – я думал, вы приедете с отрядом, с оружием!

– Это не война, хире Патс. Хотя бы потому, что воевать нам не с кем. Где враг?

– Везде, – отвечал Патс, посмотрев прямо в глаза конестаблю. – Вы знаете, что вчера народ порешил пригласить нюклиета?

– Колдуна?

– Назовите его так – что изменится? Никто не верит в то, что страшные смерти – дело рук человеческих. А если и человеческих, то направляемы они черной душой, погрязшей в служении дьяволу.

Бофранк покачал головой:

– Рискую найти в вас врага, но я не склонен верить ни в светлые, ни в темные силы, хире Патс. Руки убийцы обычно направляемы алчным сердцем или извращенным разумом. Однако же староста сегодня посылает гонца в Мальдельве, там сейчас пребывает с делами грейсфрате Броньолус. Если он согласится и приедет сюда, то уж и ваш нюклиет придется к месту. Но не думаю, что это соседство порадует обоих... А что за нюклиет?

– Об этом позвольте сказать вам, когда он приедет.

– Ваше право, хире Патс. Я вижу, что вы, в отличие от остальных, ищете деятельности. Это похвально, и я желал бы, чтобы вы слушались меня и по возможности ставили в известность относительно ваших планов. Я не стану мешать вам, поскольку не затем прибыл. Но прошу: хотя бы говорите мне. Я должен знать все.

– Это я вам обещаю, – кивнул Патс.

В очаге громко треснуло горящее полено.

– Я вижу, у вас много книг.

– Мой старший брат стал священником, и я прошу его привозить немного книг каждый раз, когда он навещает семью.

– Я могу посмотреть?

– Конечно, хире. Но будут ли они вам интересны?

Бофранк, не отвечая, подошел к полке и провел пальцем по кожаным переплетам. «Сношения с дьяволом», «О чародеях и предсказателях», «Отрицание Господа и крещение Дьяволом», «Наездницы на сенных вилах», «Беседа о мерзких дьявольских делах ведьм и чародеев»...

– Вы хотите стать священником, хире Патс?

– Не простым священником, хире Бофранк. Миссерихордом, как тот же грейсфрате Броньолус.

И молодой человек процитировал на память:

– Дары Господни вечные,
Святых страдальцев подвиги
Хвалой величим должною

В победном ликовании.

Церквей вожди высокие,
Полков святых начальники,
Небесной рати воины,
Благие мира светочи!..

– «Небесной рати воины», – повторил конестабль. – А я полагал, земледельцем, как ваш отец... Интересно, отчего же вы, собираясь стать священником, обращаетесь к мерзкому язычнику, богопротивному нюклиету? И я боюсь, что грейсфрате Броньолус может задержать вашего нюклиета, дабы судить его и сжечь во славу Господню... Как миссерихорд, он обязан будет это сделать, как только его известят, а желающих известить и получить награду будет более чем достаточно.

Патс молчал, глядя в огонь. Он так и оставался обнаженным по пояс, и теперь Бофранк внимательно наблюдал, как по его широкой безволосой груди ползет капля пота... ползет, чтобы остановиться, наткнувшись на сосок.

– И Броньолус, и нюклиет прибудут еще не так скоро, – нарушил тишину Патс. – До этого времени нужно что-то предпринять.

– Я не связываю вам руки, – сказал Бофранк. – Но еще раз прошу: ставьте меня в известность относительно ваших намерений. И... Позвольте задать не слишком приятные для вас вопросы, хире Патс, из-за которых я и пришел.

– Догадываюсь какие. – На скулах молодого человека заиграли желваки. – Задавайте.

– Когда вы в последний раз видели хиреан Микаэлину?

– Вечером накануне убийства. Мы поговорили не долго... возле лавки хире Таммуса, и сам хире Таммус видел нас, потому что мы стояли возле открытой двери.

– Что сказала вам девушка?

– Ничего... Ничего необычного. Я ведь не должен передавать наш разговор в деталях?

– Нет. Ничего необычного, пусть так. Как вы думаете, хире Патс, что могло завлечь хиреан столь далеко от поселка, в лес?

– Не знаю. Микаэлина была благоразумной девушкой, она ни за что не пошла бы туда с незнакомцем. Значит...

– ... значит, она пошла туда с кем-то хорошо знакомым, – закончил за него Бофранк. – Не станем говорить о цветах, грибах и ягодах – девушка была одета не для лесной прогулки, на ногах ее были дорогие норландские туфли. Прошу вас, хире Патс, подумайте, за кем – и зачем – Микаэлина согласилась бы последовать.

– Не хотите ли вы сказать... – начал было молодой человек, поднимаясь с табурета, но конестабль остановил его движением руки:

– Я не хотел сказать ничего, что оскорбило бы память вашей покойной невесты, хире. Но предлог должен был быть серьезным, раз она все же пошла. Подумайте, расспросите. Я полагаю, вам будет легче что-то узнать – вас жители поселка знают, а меня, как и следовало ожидать, дичатся. А теперь я уйду. Спасибо за помощь.

Когда Бофранк покидал дом, Патс выглядел растерянным. Конестабль шел и раздумывал насчет нюклиета. В здешних краях нюклиетом мог именоваться и колдун, обитающий в лесном ските и исповедующий запретные культы, и просто ученый старикашка из соседнего городка... Лучше второе, ибо Бофранк хорошо знал деяния грейсфрате Броньолуса, миссерихорда из Ванмута.

После Второго церковного бунта в государстве почти не осталось церквей, которые не подчинялись бы Великой Комиссии. Все чуждое искоренялось с похвальной жестокостью, и

миссерихорды старательно отслеживали колдунов, ведьм и иных прочих, кто не вписывался в границы изданного сразу после Второго бунта рескрипта.

Грейсфрате Броньолус был одним из наиболее известных и почитаемых миссерихордов; правда, в последние несколько лет слухи о нем появлялись все реже и реже, ибо исчез сам материал для его судебных разбирательств. Бофранк мог лишь предполагать, что делает Броньолус в Мальдельве, портовом городке корабелов, славном верфями и рыболовными артелями. Может быть, он выехал туда совершить морскую прогулку и подышать целебным воздухом, а может, расследовал донос или жалобу тамошнего бургмайстера.

Как ни странно, на обратном пути конестаблю снова встретился злокозненный карлик, который и прервал его рассуждения. Несчастный урод метнул в Бофранка палку, пролетевшую над его головою с близким неприятным посвистом, так что конестабль испуганно пригнулся.

Карлик же, увидев, что промахнулся, дико вскричал и бросился прятаться под ворота в свою дыру, но не преуспел в этом, ибо зацепился рубищем и безнадежно застрял. Так он дергался, вереща, словно пойманное животное, и Бофранк подошел к нему и попытался освободить. Как только это ему удалось, карлик ловко извернулся, укусил конестабля за руку, кинулся под ворота, на сей раз с большим проворством, и исчез внутри.

Бофранк – весьма запоздало, надо сказать, – нашел сцену с карликом весьма глупой и огляделся, не видел ли кто. Конечно же, очевидец обнаружился, и всего в нескольких шагах. Это был вчерашний священник, брат старосты. Он следовал по улице в сопровождении монаха весьма унылого образа, несшего нетяжелый полотняный мешок. Завидев конестабля, бертольддианец жестом велел монаху продолжать путь, а сам остановился и встретил Бофранка словами:

– Я вижу, вы познакомились с нашим малышом Хаансом, хире Бофранк.

Конестабль поискал в глазах священника улыбку, но не нашел и довольно сердито отвечал:

– Чертов поганец укусил меня за руку.

На ладони, на мясистой ее части, и в самом деле остался четкий полукруглый след острых зубов карлика.

– Хаанс не злодей и не одержим бесом, – сказал фрате Корн. – Околдованные едва могут выносить взгляд священника, даже и не прямо на них направленный, и всевозможными способами закатывают глаза. Маленький Хаанс не таков. Он всего лишь уродлив и обделен разумом, но сердце у него доброе. Его мать, старая хириэль Эльфдал, наверное, пошла в лавку или в лес, а бедный дурак развлекался, как мог придумать...

– Хороши же развлечения. Он запустил в меня палкой, укусил, а до того кричал странные слова...

– Я же говорю вам, хире, он не со зла.

– Полноте, фрате, он не стоит разговора. Я вижу, вы идете в сторону складов; могу ли я составить вам компанию?

– Разумеется. Вы, очевидно, будете осматривать тела, что на леднике?

Бофранк утвердительно кивнул, и они пошли по улице. Ушедший далеко вперед монах оглянулся через плечо и приготовился было обождать, но священник махнул на него рукою, и тот опять поспешил вперед, таща свою ношу.

– Брассе Ойвинд. Бедняга нем с рождения, – пояснил священник.

– Вы послали за грейсфрате Броньолусом? – спросил Бофранк, выбирая дорогу меж коровьих блинов, обильно украсивших тропу.

– Да, староста уже отправил гонца. Полагаю, грейсфрате будет здесь спустя два или три дня.

– Вы думаете, он согласится приехать?

– Я надеюсь на это. – Священник внимательно посмотрел на Бофранка, ожидая, наверное, какого-то вопроса или комментария, но тот смолчал. Конестабль неожиданно почувствовал недомогание, словно в области сердца к телу его прислонили горячее железо или же камень. Кровь, казалось, забила в жилах и сосудах, перед глазами сделались многоцветные круги...

– Вам плохо, хире? – встревожено спросил бертольдианец.

Круги, медленно вращаясь, слились в сложную фигуру и пропали. Бофранк выдохнул распиравший грудь воздух и покачал головой.

– Нет, фрате. Минутная слабость... Я не могу похвастаться крепким здоровьем.

– Вам нужно посетить жаркую баню, – поучительно заметил фрате Корн. – Городские жители не знают, как изгонять хворобы из тела. Если хотите, можно попросить хире старосту протопить баню сегодня же.

– Благодарю вас, фрате... Возможно, так я и поступлю.

В самом деле, Бофранк много слышал о банном лекарстве, процветавшем в этих краях. Каменный жар вкупе с паром от кипящих отваров и настоев на лечебных травах исцелял многие болезни и укреплял организм. Оставалось надеяться, что это не слишком неприятная процедура, не связанная к тому же с особым унижением. Бофранк не хотел бы предстать обнаженным перед старостой или, не дай господь, кем-то из слуг. Говорят, в здешних местах это обычное дело, но в городе даже в общих банях каждый мог раздеться и омыться в специальных кабинках... Впрочем, в общие бани Бофранк отнюдь не ходил, предпочитая мыться дома в большой лохани при посредстве верного симпле-фамилиара Акселя, подносившего то кипятка, то полотенце, то халат.

Священник долго и пылко объяснял, как полезен банный обряд, и видно было, что в этом предмете он изрядный дока. С такими разговорами не заметили, как дошли до самых складов, являвших собой ряд крепких длинных сараев, сложенных из больших просмоленных бревен и совсем без окон. В таких складах, насколько знал конестабль, хранились общие запасы поселка на случай бескормицы или снежных заносов, а также герцогский налог, который собирали до нужного количества, а затем отвозили в столицу.

Конечно же, здесь помещался и ледник. Складской ключарь, по обыкновению толсторожий мужчина в синем потертом кафтане, ждал Бофранка у входа – сидел на врытой в землю скамье и что-то жевал.

– Я оставлю вас, хире Бофранк, – сказал священник, вверяя конестабли ключарю, которого звали Фульде. – Стараюсь не смотреть на мертвецов, когда в том нет нужды.

– Я собирался сегодня навестить и ваш монастырь, фрате, – напомнил Бофранк.

– Я буду там до самого вечера, посему приходите, – наклонил голову бертольдианец.

Фульде, от которого шибало чесноком и уксусом, провел Бофранка в ближний сарай, отперев огромный замок огромным же ключом, каких у него на поясе висела целая связка. Ключарь был молчалив, глазами вороват, приезжего, пускай и высокородного, не боялся – приезжий, даст бог, с чем приехал, с тем и уедет, а склады останутся. Внутри большого и темного помещения царил мертвенный холод, а воздух пропах мороженой кровью.

– Позвольте, хире, я фонарь затеплю, – буркнул ключарь и тут же, умело щелкая кресалом, зажег большую масляную лампу. Ее неверный свет выхватил из промозглой тьмы бревенчатые стены, большие блоки пиленого речного льда, переложенные соломой и опилками, и лежащие рядом людские тела, укрытые дерюгой. Поодаль точно так же лежали свиные и телячьи туши.

– Темно, – недовольно сказал Бофранк, выдыхая клубы белесого пара. – Нет ли еще фонаря?

– Сейчас принесу, хире.

С этими словами ключарь пошел прочь, оставив констебля наедине с мертвыми людьми и скотами. Взяв в одну руку оказавшуюся тяжелой лампу, другой рукой Бофранк сбросил с ближайшего тела дерюгу и осветил лицо покойника.

– Никакой связи, – сказал вчера чирре Демелант. – Никакой связи. Парнишка-прислужник, гард, монах, почтенная дама, теперь вот дочь мельника...

Скорее всего, это был гард. Довольно тщедушный голый мужичонка, да и какие гарды здесь, в лесах... Крепкие мужики небось земледельничают, торговлей промышляют, а такие вот, никчемные, на герцогской службе. Отрезанная голова была аккуратно приставлена к телу, глаза широко открыты, в бороденке за леденели сосульки – наверное, набежавшая посмертная слюна. Выражения страха на лице Бофранк не обнаружил, лишь пальцы трупа были скрючены, словно перед смертью своей гард стремился кого-то задушить. Ран на теле видно не было; Бофранк, поднатужившись, перевернул камнеподобное тело на живот, но и там ничего не нашел. Аккуратно вернув на место чуть откатившуюся голову, он укрыл мертвеца дерюгой и обратился ко второму телу.

Это была почтенная дама. Обнажать ее тело никто не решился, и женщина лежала в белом платье хорошей ткани, сплошь запачканном лившейся из перерезанного горла кровью. Лицо покойницы было на диво спокойным, словно она просто уснула. Из письма чирре Демеланта следовало, что это хириэль Мазер, супруга паромщика и рыболова, в самом деле, почтенная дама сорока с небольшим лет. Муж обнаружил ее на заднем дворе, выходящем к реке, меж овощных гряд, и с тех пор находился в помраченном рассудке. Самым тщательным образом констебль обыскал и тело, и складки платья, но ничто не привлекло его внимания.

– Вот и еще фонарь, хире. – Появившийся из-за спины ключарь водрузил на колоду точно такую же лампу. Бофранк поежился: долгое нахождение на леднике давало о себе знать, а перед ним лежали еще два трупа, которые следовало осмотреть.

– Посветите мне вот сюда, – велел он ключарю. Фульде послушно взял лампу, склонился и тут же со сдавленным воплем отпрянул. Наверное, он споткнулся о кусок льда, ибо с грохотом упал спиной вперед, разбив лампу и расплескав масло, которое не преминуло растечься по земляному полу и загореться. В ярком свете пламени Бофранк смотрел на открывшуюся их взору картину, не в силах двинуть ни одним членом, пока не понял, что, наконец, перед ними такое.

К обезглавленному телу мертвого мальчика кто-то приставил ободранную голову козла, насадив более широкий срез козлиной шеи на обрубок человеческой. Желтые козлиные глаза поблескивали среди бело-красных мышечных волокон, а на груди трупа была вырезана – вернее сказать, вырублена прямо по заледеневшему мясу – странная восьмиконечная фигура в виде двух квадратов, под углом наложенных один на другой.

Ключарь Фульде тяжело дышал и пытался подняться, отползая от разбежавшегося по полу пламени, а Бофранк взял себя в руки и сорвал ткань с соседнего тела. Слава господу, с ним было все в порядке – это оказался безбородый мужчина с побритой головой, брассе Зиммер. Прикушенный кончик языка монаха торчал меж посиневших губ, однако более констебль не нашел никаких примечательных деталей. Но когда Бофранк перевернул мертвого монаха, кое-как пришедший в себя ключарь вновь возопил и в страхе бросился прочь из склада. Брассе Зиммер оказался выпотрошен со спины, как манекен в анатомическом музее, искусно вылепленный мастером и имеющий вставной набор внутренностей. Вот только внутренностей в теле не оказалось, лишь белели обрубки ребер, а из зада трупа торчал пестрый телячий хвост.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой ужасающие события предыдущей главы дополняются еще более жуткими подробностями, а Хаиме Бофранк посещает храм Св. Бертольда

*Он мог бы стать безумным, даже хотя его эгоистичный разум
мог бы думать с пренебрежительной насмешкой обо всем, что приносит
неистовство.*

Рудольф Штайнер. Лекции: Четыре жертвы Христа

Бофранк стоял, прислонившись к неровной бревенчатой стене, и подставлял лицо чуть теплым лучам солнца; впрочем, после холода ледника они казались обжигающими. Он послал ключаря за чирре Демелантом и теперь ждал их возвращения.

Чирре появился совсем скоро, за ним поспешал толстяк Фульде.

– Он все мне поведал. – Демелант указал на ключаря, тот быстро-быстро закивал.

– И все же взгляните, – сказал Бофранк. Чирре, вздохнув, исчез внутри и через некоторое время вышел с посеревшим лицом.

– Что за ужас, – сказал он с непритворным омерзением. – Кто это мог сделать?

– У кого еще есть ключи? – спросил Бофранк у ключаря.

Тот бухнул себя кулаком в жирную грудь и хотел было пасть на колени, но чирре удержал его, сказав:

– Кроме хире Фульде – у старосты. Более ни у кого.

– А кто стережет склады?

– Днем – Фульде, ночью – никто. Да от кого их стеречь, – недоуменно развел руками Демелант.

И то, подумал Бофранк, свой свое красть не станет, грабят в основном на дорогах, кто полезет в довольно крупный поселок, в котором к тому ж есть чирре и гарды... Стало быть, любой мог проникнуть в ледник и хозяйничать там хотя бы и ночь напролет. Свет не пробьется сквозь крепко сбитые двери, щелей меж бревен нет... Да и нужен ли ему свет?

Нет, так негоже.

Коли убийца человек, а он не может быть никто иной, то ему нужны и свет, и ключи.

Если же нет, то...

То и в самом деле прав молодой Рос Патс, говоря о нюклиете и грейсфрате Броньолусе.

Прибывшие вслед за Демелантом гарды с фонарями принялись осматривать ледник, с тем чтобы отыскать возможные тайные лазы, а также с целью сыскать пропавшую голову мальчика и внутренности монаха, но ровным счетом ничего не нашли, кроме кошки, бог весть как попавшей вовнутрь. Тварь кинулась из темного угла промеж ног одного из гардов, перепугав его до полусмерти. Не иначе как она пробралась под шумок стянуть кусок мяса – храни господь, что не от покойника, о повадках этих дрянных животных Бофранк читал всякое.

Конестабль на всякий случай осмотрел тело молодой Микаэлины – кто знает, что могло с ним случиться за ночь?

Пожалуй, девушка выглядела лучше остальных, но она и умерла позднее всех. Холод еще не успел придать тканям окончательную мертвенность в цвете и упругости, а место соединения головы и шеи кто-то покрыл платком.

– Смотрите... – шепнул Демелант. Бофранк взглянул туда, куда указывал чирре, и увидел, что юбки девушки задраны куда больше, нежели это прилично.

– Удалите своих людей, – тотчас же велел он чирре. Когда гарды покинули ледник, Бофранк сказал:

– Светите вот так... Да, правильно. Смотрите... Обнажив половые органы покойницы, он указал на белые потеки – на внутренней части бедер, на светлых лонных волосах, на скомканной нижней юбке.

– Вы хотите сказать...

– Именно. С ней кто-то совокупился, и сделал это, уже когда тело привезли сюда.

Чирре сделал клекочущий звук горлом и нетвердо шагнул к выходу. Конестабль еще некоторое время всматривался под задранную юбку, потом осторожно коснулся холодной и твердой плоти пальцем. Достал из кармана маленькую склянку с пробкой, подковырнул ногтем присохший к ноге Микаэлины потек семени и аккуратно поместил внутрь, после чего оправил одежды покойной и укрыл ее.

Парнишка-прислужник, гард, монах, почтенная дама, теперь вот дочь мельника... Есть ли здесь связь? Или связь в том, что вовсе и нет никакой связи?

Демелант тыльной стороной ладони утирал рот, поодаль переминались гарды, делая вид, что не видели только что слабости своего начальника.

– Я вас понимаю, – бесстрастно сказал Бофранк. – Я тоже не мог принимать пищу несколько дней, когда увидел в первый раз... Знаете, в городе разум людей куда более извращен, и мне приходилось видеть, как подобное проделывали не только со свежими телами, но и со старыми, порой совсем разложившимися трупами, извлеченными из склепов и усыпальниц.

Чирре вновь склонился над кустами бурьяна, давясь рвотою, а Бофранк прошествовал мимо него, чувствуя некоторое внутреннее удовлетворение. Возможно, он был куда слабее чирре физически, но не духовно, и нелишне было показать это – как Демеланту, так и его подчиненным.

Кого конестабль никак не ожидал увидеть подле складов, так это фрате Корна. Сухощавый священник о чем-то толковал с вездесущим ключарем, который вот только что был здесь, а сейчас, глядишь, уже и там. Несомненно, Фульде то ли сам сбегал за священником, то ли послал кого, но фрате Корн уже все знал. Он подошел к конестаблю и взволнованно сказал:

– Что же это, хире? Глумления над телами... Поистине я чувствую, что господь отворотил свой лик от нашей земли.

– Вам сказали, что именно произошло?

– Да, Фульде поведал, что к телу маленького Ульбера Юссона кто-то приставил голову козла, а брасе Зиммер выпотрошен, словно каплун... – Пухлые губы священника, совсем не подходящие к его узкому лицу, дрожали то ли от ужаса, то ли от возмущения.

– Более того, фрате... только не говорите об этом никому более... я обнаружил следы посмертного соития с молодой хиреан.

Бертольдианец отшатнулся, как если бы ему дали пощечину.

– Чудовищно... – прошептал он. – Чудовищно!

– Это преступление, пусть и не совсем обычное, – пожал плечами Бофранк. – В нем можно подозревать того же ключаря, который оставался здесь наедине с телами и мог позволить себе многое, в том числе и удовлетворение противоестественных потребностей с несчастной Микаэлиной.

– Он женат, – возразил священник с видимым недовольством.

– Что же с того? Возможно, он желал молодую хиреан куда сильнее, нежели супругу. Фрате, я видывал более ужасные вещи, поверьте мне.

– Вы склонны подозревать всех, – буркнул священник.

– Отчего бы и нет? – Бофранк едва сдержал улыбку, подумав, что Броньолус, на которого столь полагается фрате Корн, будет подозревать куда более многих. – Затем меня и пригласили, разве не так? Но оставим это. Не припомните ли, фрате, что говорится в трактатах по

миссерихордии насчет соитий с мертвыми телами, а также обо всем остальном, что случилось на леднике?

– Я не обучался миссерихордии в том объеме, в каком вы требуете, – сказал фрате Корн, немного подумав. – О соитии с мертвым телом, каковое символизирует дьявола, а то и является его временным пристанищем, писал Вааген. Что до головы козла, то опять же тело мальчика могло изображать дьявола, хотя тут могут быть и другие трактовки... Я не специалист, хире Бофранк. Дождемся грейсфрате Броньолуса, который, без сомнения, прольет свет на эти страшные загадки. И сохрани нас господь от новых бедствий.

– Скажите, фрате, вы можете обождать меня? Я дам несколько указаний чирре Демеланту, а после намерен осмотреть храм.

– Конечно, хире.

Демелант уже велел ключарю запереть ледник, и конестаблю осталось приказать по возможности никому не говорить о случившемся, не пускать в ледник ни одного человека, пусть то будут и родственники покойных, и поставить возле складов караул на ночь, но скрытно, то есть так, чтобы даже толстяк Фульде не ведал о присутствии часового. Чирре пообещал отрядить для этого дела одного из лучших своих людей, некоего молодого Снаатса, бывшего охотника.

– Что же ему делать, если он увидит нечто странное?

– То, что положено делать в таком случае герцогскому гарду, – сухо сказал Бофранк. – Я думаю, мы имеем дело с дурными шутками. Не будем предполагать деяния дьявола там, где их может и не быть.

– Но все-таки, хире конестабль... Все-таки, что же ему делать?

– Полагаю, только молиться, чирре, – сказал конестабль, поглаживая рукоять пистолета.

Храм Святого Бертольда являл собой высокий деревянный сруб с небольшими обзорными площадками наверху, выход на которые вел изнутри здания. Центральный, высокий продольный зал придавал зданию вид могучего корабля. К нему с боков примыкали два более низких нефа. С восточной стороны главный неф завершался полукруглым выступом – апсидой, как-то обычно и бывает в бертольдианских храмах.

Рядом стоял большой дом, где, надо полагать, проживали монахи, а еще поодаль имелись две малые постройки, видимо хлев и сарай для инструментов и орудий; все это окружала невысокая изгородь. Возле хлева что-то размешивал в большом чане уже знакомый конестаблю немой брассе Ойвинд.

– Здесь мы смиренно живем и так же молимся, – сказал бертольдианец. – Правда, у меня, как настоятеля, есть домик в центре поселка, я вам о нем говорил, но почти все время я провожу здесь.

Из храма вышел еще один монах, одноглазый бородач. В руке он держал топорик.

– Брассе Ианус, – назвал его священник.

– Где был убит брассе Зиммер? – спросил конестабль, оглядывая двор.

– Обыкновенно несущий ночную стражу стоит здесь. – Священник указал на подобие караульной будки, высокой и узкой, где нельзя было сесть и тем более лечь. – Если на дворе непогода, он укрывается тут, в другое время просто ходит вокруг.

– А где нашли тело?

– Вот здесь. – Священник тронул Бофранка за локоть и провел чуть в сторону от будки. На утопанной, как и во всем монастырском дворе, траве не было каких-либо следов, разве что какие-то темные пятна, скорее всего от пролившейся крови.

– Где сломанный посох?

– Пойдемте.

Они вошли в храм. Священник сразу же отлучился, так что Бофранк мог во всех деталях рассмотреть молельный зал. Это стоило внимания, ибо деревянные его стены и колонны были прихотливо изукрашены искусною резьбой, изображавшей различные сцены из святых

писаний. Тут были демоны, ввергающие еретиков и грешников в котлы с кипящей водою; тут же присутствовал святой Аполлинар, обративший смоляной вар на коже своей в ледяные кристаллы; напротив соседствовал святой Хризульф, с коего ледяная вода стекала теплыми и приятными, словно в бане, потоками. Неизвестный резчик изобразил на колоннах змиев, изблевающих пламень, и гиен, что гадят брением и видят во тьме, как при светлом дне; тигров и львов, и гадов водных, и под земных жаб...

Здесь же имелся вепрь, поддевающий на иклы свои тучного человека, разумеемого то ли как нерадивого священнослужителя, то ли как простого чревоугодника; и мать здесь присутствовала, что из чрева своего извлекает дитя против всех природных и человеческих правил, а поодаль уже поджидает ее жуткое чудовище с мордою пса и телом саламандры; и чернокнижник, исповедующий запретное, был тут со свечою в руке и о дурном зоре; и житель дальних земель, что пожирает людскую плоть и не ведает истинной веры; и алхимик, составивший договор с черными силами, дабы получить власть всеземную и богатство невиданное... Там скалил зубы дивный зверь с хвостом, как у молоха, а тут – улыбался ангел, столь пресветлый, что невинная улыбка ребенка рядом с ним, казалось, меркла и не радовала.

О таких храмах писал – уже довольно давно, но строки те любили повторять некоторые священнослужители – Благочестивый Терлих из Шпее: «К чему в монастырях перед лицом читающей братии это смешное уродство или красивое безобразие? К чему тут не чистые обезьяны? К чему дикие львы? К чему чудовищные кентавры? К чему получеловеки? К чему полосатые тигрицы? К чему воины, разящие друг друга? К чему охотники трубящие?»

Здесь под одной головой видишь много тел, там, наоборот, на одном теле много голов. Здесь, глядишь, у четвероногого хвост змеи, там у рыбы голова четвероногого. Здесь зверь спереди конь, а сзади половина козы, там рогатое животное являет с тыла вид коня.

Столь велико, наконец, причудливое разнообразие всяких форм, что люди предпочитают читать по мрамору, чем по книге, и целый день разглядывать эти диковинки, вместо того чтобы размышлять над божественным законом».

Тут появился фрате Корн, сказавший со скромной улыбкой:

– Чувствую я, вспоминаете Благочестивого Терлиха, коли читали последнего.

– Как вы догадались? – удивился Бофранк.

– Глядя на резьбу оную, нельзя не вспомнить брюзжание отца сего. Тем и прославлен...

Не продолжая, он увлек его в маленькую комнату справа от входа, где горел тусклый светильник. На столе лежал обычный деревянный посох без какой-либо резьбы и украшений, переломленный пополам. Бофранк внимательно осмотрел место излома, но ни чего странного не обнаружил.

– Кто нашел тело?

– Брассе Ойвинд и брассе Эрлах.

– Позовите последнего, фрате. Я хотел бы задать ему несколько вопросов.

– Если только он не рыбачит... – Священник удалился, оставив Бофранка одного.

Конестабль еще раз осмотрел остатки посоха. В сортах и породах дерева он нисколько не разбирался, но это казалось очень крепким, и сломать его мог разве что весьма сильный человек.

Положив обломки на место, Бофранк оглядел комнатку, в которой находился. На полках были разложены какие-то ящички, книги, тут же стояли непрозрачные стеклянные сосуды, закрытые пробками, и глиняные горшки. Наверное, кладовка. Необходимые для обрядов вещи и вся потребная утварь.

Брассе Эрлах, появившийся в сопровождении священника, выглядел сущим разбойником: поросшее короткой черной щетиной лицо, кривой нос, глаза-угольки под нависшими бровями. В поведении и разговоре он, напротив, оказался кроток и учтив.

Монах сказал, что нашел брассе Зиммера во дворе, когда рано утром вышел по хозяйственным надобностям. Направившись было к распростертому телу, брассе Эрлах увидел отрезанную голову, много крови и в ужасе бросился назад, в дом, дабы разбудить остальных. Тут же были посланы люди за фрате Корном и чирре Демелантом, а тело никто не трогал и с места ничего не сдвигал; только брассе Леонард, стоя чуть в стороне, читал над убиенным молитвы.

– Как давно брассе Зиммер был мертв, когда вы его нашли?

– Я ведь не лекарь, хире... – сказал монах, мелко и беспорядочно шевеля в смущении своими большими волосатыми руками. – Но кровь уже успела свернуться, а тело сильно похолодело; правда, ночь выдалась морозная, и даже лежал иней.

– И никто не слышал криков, шума борьбы?

– Как вы могли видеть, ни монастырь, ни жилище не имеют окон, будучи освещаемы внутри только фонарями и светильниками, – заметил фрате Корн, – а сквозь толстую бревенчатую кладку наружные звуки не проникают.

– Знаете, фрате, – сказал Бофранк, когда монах был отпущен и ушел. – Я бы советовал вам соблюдать правила монастыря, но ставить в ночь двоих, а то и троих монахов.

– Я уже сделал так, – кивнул бертольдианец.

Дальнейший день прошел без особых событий. Бофранк отобедал у старосты – на сей раз, за столом присутствовал только сам хире Офлан, а беседа велась преимущественно об экономических и домашних делах, после чего недолго поспал и пожурил бродягу Аксея за дурно почищенные сапоги и штаны.

О бутылочке с семенем конестабль вспомнил ближе к ужину, сидя в своей комнате и рассеянно перелистывая «Нескромные мечтания» Улье Трифениуса, довольно фривольное собрание стихов, купленное в дорогу с целью развеять скуку. Прочитав несколько еще в пути, Бофранк убедился, что книга нехороша, а автор явно не учен стихосложению, и забросил ее было, но теперь вот снова извлек и, к неожиданности, нашел пару премилых и забавных сонетов.

Он читал бы и далее, но строки «наполнил семенем сей благодный сосуд» привлекли его память к событиям на леднике и взятой там толике семени. Достав из кармана бутылочку, конестабль обнаружил, что бывшее замерзшим семя сейчас растаяло и растеклось отвратительной белесой слизью.

Из своих небольших познаний в миссерихордии Бофранк помнил, что семя дьявола ледяное (но тут оно и с самого начала было ледяное), а также вспыхивает ярким светом, ежели бросить его в огонь. Понтифик Радульф, как помнил конестабль из лекций, указывал, что в этом огне можно даже видеть лица дьявола, каковых, как известно, у того предостаточно.

Произвести подобный опыт не составляло труда, благо пламя в очаге пылало вовсю, наполняя комнатку приятным теплом. Бофранк осторожно откупорил бутылочку, затем тоненькой щепкой, отколотой от полена, взял немного семени и бросил все это в огонь. Как он и ожидал, щепка тут же занялась, а семя, закипев, вспузырилось и сгорело безо всяких затей.

– Доказано, – удовлетворенно пробормотал конестабль. – Но доказано ли?

В самом деле, в книгах миссерихордов бытовали разные толкования – например, дьявол в момент испытания находился где-то рядом и мог не дать семени вспыхнуть, дабы его труднее было вывести на чистую воду. Равно и муки пытаемых жертв трактовались как обычное при творство по дьяволу наущению, на самом же деле ведьмы и колдуны не терпели боли. Если бы в обычном судопроизводстве использовались законы миссерихордии, многие преступники были бы изобличены и казнены; впрочем, с таким же успехом это могли быть и простые люди, каковые – и Бофранк был в этом уверен – гибли десятками на кострах, плахах и виселицах, ложно обвиненные в колдовстве.

В столице казни не практиковались вот уже несколько лет, и на памяти Бофранка самым страшным наказанием за чародейство из виденных им было пожизненное заключение в тем-

ницу. Но в провинциях, особенно в таких далеких уголках, как этот поселок, частенько пылали костры. Надо полагать, в Мальдельве сейчас происходило как раз нечто подобное, раз уж там гостит Броньолус.

Как всегда в таких случаях, конестабль вспомнил своего брата Тристана, единственного из семьи, кто подался в церковники. Сейчас Тристан аббатствовал далеко на юге, и кто знает, может быть, тоже пытал и вешал кого-то или, по крайней мере, потворствовал тамошним миссериордам в их мрачных деяниях.

По возвращении Бофранк задумал навестить старика отца, который давно уже оставил университет и писал некий ученый труд в своем поместье. Мать отошла с миром еще семь лет назад и покоилась на семейном кладбище под Сельмином, среди старых пиний и буков, в изобилии там произраставших. Нужно сказать, что отца конестабль не навещал примерно с того же времени, потому что многие их разногласия сделали, в конце концов, встречи невыносимыми для обоих. Но втайне Бофранк полагал, что отец после столь долгой разлуки поведет себя мягче и покойней; к тому же пришла пора обсудить кое-какие имущественные вопросы.

Посмотрев еще некоторое время в огонь – как известно, занятие это завораживает и может надолго увлечь смотрящего, равно как и наблюдение за движущейся водой в реке, – Бофранк вернулся к «Нескромным мечтаниям»:

Мой нежный друг, скажу Вам, не таясь:
С тех пор, как наша сладостная связь
Установилась, я всегда томлюсь
Желанием любовным: наш союз
Не должен знать размолвок и разлук —
Вы совершенны, мой прекрасный друг;
Когда ж порой согласья не сберечь,
Я примиренья жду, я жажду встреч... —

но уже совсем скоро понял, что стихи нейдут на ум. Мысли все время обращались к дикому происшествию на леднике, которое Бофранк полагал издевательской выходкой сумасшедшего или хитрым ходом преступника, который возомнил таким образом запутать его, Бофранка. Вкупе с ночным визитом незнакомца, а вернее, незнакомки, содеянное вызывало нешуточные опасения: довольно страшно иметь дела с человеком, выпотрошившим мертвое тело монаха и совокупившимся с покойницей.

Но тут как раз пришел слуга старосты пригласить конестаблия на ужин, после которого Бофранк, слегка злоупотребив вином, благополучно уснул.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ, в которой Хаиме Бофранк узнает несколько больше о карлике и пещерных троллях, а также встречается с кладбищенским зрителем

Идолы пещеры происходят из присущих каждому свойств, как души, так и тела, а также из воспитания, из привычек и случайностей. Хотя этот род идолов разнообразен и многочислен, все же укажем на те из них, которые требуют больше всего осторожности и больше всего способны свращать и загрязнять ум.

Фрэнсис Бэкон. Великое восстановление наук. Новый Органон

«... Среди нас, как я знаю, по временам случается – таковы переменчивые судьбы людей, – что в новолуние иные оборачиваются волками. Знаем мы историю некоего весьма отважного рыцаря, закаленного в схватках с врагом. Он стал скитаться и блуждать по всему краю и в одиночестве, подобно дикому зверю, посещал пустоши и ущелья и однажды ночью, влекомый луной и обезумевший от странствий, обернулся волком. Он причинил столько урона родной стране, что хижины многих поселян опустели. В обличии волчьем он пожрал немало младенцев, да и многих старцев, жестоко искусав, растерзал. Наконец один плотник, встретившись с ним, нанес ему тяжкие раны; он отрубил топором одну из его лап, и оборотень снова обрел человеческую природу. Вслед за тем он перед всеми поведал о случившемся с ним, утверждая, что рад потере ноги, ибо ее отсечение избавило его от жалкой и горестной участи и вместе с тем – от вечного осуждения и проклятия. Те, кто применил подобное средство, утверждают, что люди такого рода, лишившись ноги или ног, освобождаются от своего несчастья...»

Конестабль закрыл книгу, взятую у молодого Патса, и положил на подушку рядом с собою. Нет, пречистый Анс Богомолец не мог дать ответа на страшные вопросы.

Славно, когда рядом отважный плотник с топором!

Славно, когда бывший волком радуется, что вновь стал человеком, хотя бы и пожрал десятки добрых людей!

Но тут – ни рыцаря, ни плотника, ни волка...

Минул еще один день, а новых, полезных фактов у Бофранка не прибавилось. Беседы с родными и близкими убитых, с поселянами, осмотр мест, где были совершены остальные убийства, – все было пустой тратой времени. Многие и разговаривать толком-то не могли, будучи убиты горем и испуганы, как, например, отец и сестра несчастной Микаэлины. Она сестра, к слову, была чрезвычайно похожа на покойницу, разве что немного моложе.

Тщетно пытался конестабль составлять таблицы и графики и искать объединяющие нити, как тому учили его. Все шло поперечь; к тому же совершенно переменилась погода, и вместо ясной прохлады пришло настоящее ненастье с дождем и безжалостными порывами ветра. Ненастье не порождало ни малейшего желания выходить из дому, и Бофранк, кстати, вспомнил, что собирался расспросить хириэль Офлан о давешнем злом карлике.

За завтраком, состоявшим из овсяной каши, козьего сыра, коровьего масла, меда и свежвыпеченного белого хлеба, конестабль спросил старосту, предпринял ли что молодой Патс, и если предпринял, то как оно прошло.

– Он ходил ночью по улицам; видели его и у окраины, с арбалетом в руке. Но ничего не случилось, и он вернулся с рассветом домой.

– А что же слышно о прибытии Броньолуса?

Офлан отвечал, что коли грейсфрате и приедет, то вместе с посланным за ним гонцом, и не ранее завтрашнего дня.

– Я слышал, что это большого ума человек, – со значением заметил староста. Бофранк не придал этим словам значения, хотя при известном себялюбии можно было истолковать их довольно превратно в собственном отношении.

– Большого ума? – с самым рассеянным видом переспросил Бофранк.

– В свое время я получил письмо от хире Таблединка из Оссерре, где он рекомендовал грейсфрате в наивысших степенях... Или вы имеете основания усомниться в этом?

– Никоим образом, – сказал конестабль, намазывая тягучее масло на ломоть хлеба. – Но я не до такой степени доверяю миссерихордии, хире Офлан. Людям свойственно ошибаться и заблуждаться.

– Но не миссерихордам.

– Миссерихорд суть человек – со всеми его слабостями, хире.

– Миссерихорд презревает слабости!

– Не все, хире. Не все.

– Вы говорите как еретик! – вознегодовал староста. В гневе он, казалось, забыл, выказанное лишь день тому назад, уважение и даже покорность.

– Отчего же? – спокойно сказал Бофранк. – Сомнение в деяниях миссерихордии есть сомнение в деяниях человеческих, а человеку свойственно заблуждаться. Оральд из Кенсистуи писал, что дьявол во многих своих происках опирается на слабости людские. Разве не так?

– Дьявол многомудр, иначе не смог бы он столь долго сопротивляться единому господу, – разумно возразил староста. – Слабость человеческая есть дань дьяволу.

– Вот и вы говорите как еретик, поминая дьявола в столь прелестной степени. Так не дань ли дьяволу ваша трусость, хире?

– Дьявол велик, хире прима-конестабль, и сие не ересь. Кабы он не был велик, господь давно справился бы с ним, и нечистый не донимал бы нас своими притязаниями.

– Вы опять рассуждаете как еретик, хире, – заметил Бофранк. – Коли господь захотел бы, он без труда презрел бы дьявола и устранил его от людей. Но раз уж господь не делает этого, значит, не желает сделать. Возможно, он позволяет дьяволу изыскать среди нас тех, кто слаб и склонен к греху, дабы потом ниспослать свое наказание. Так не слуга ли господа сам дьявол?

Староста несколько переменялся в лице, но продолжал разговор:

– Я не еретик, хире Бофранк, и вы знаете это. Разве я возвеличил дьявола превыше господа нашего? Или я восславил деяния его?

– Только слова ваши, что дьявол многомудр, заслуживают костра. Кальвинуса Тессизского, Ойна из Кельфсваме, Биргельда Мейнского распяли, а Лирре из Ойстраате предали раздавливанию лишь за упоминание скриптов Малой Книги, – сказал Бофранк нарочито строго.

Староста сглотнул, но выглядел уверенно.

– Я не читал Малой Книги, – сказал он.

– Много кто не читал Малой Книги, и я не читал, что неудивительно, ведь сей труд запрещен специальной буллой. Но именно он глаголет, что дьявол многомудр, что он волен над человеками и что располагает он вопреки разуму человеческому... Но сам ли? Не по наущению ли господа?

– Я сир и глуп, я не читал Малой Книги, и никто здесь не читал, – повторил староста, казавшийся теперь чрезвычайно испуганным.

– Ужель? Вы говорите как книжник.

– Не там ищите еретическое гнездо, хире прима-конестабль! – негодуяще воскликнул староста. – Я рассуждаю, а рассуждать не воспрепятствовало господом.

– А я не ищу еретических гнезд, хире. Я ищу тех, кто вредит делом, а не словом. И не беспокойтесь, наш разговор останется между нами же, и никто другой не узнает о ваших сомнениях.

– Я нимало не сомневался, – стоял на своем староста. Он оказался не так прост.

– Как же? А – дьявол многомудр? Боюсь, передай я такие слова грейсфрате...

– Но вы не передадите их? – спросил староста.

– Не передам. Благодарю за завтрак, хире Офлан. Я хотел бы спросить у вашей супруги относительно маленького Хаанса, этого гадкого карлика.

– Что же вам до него? – Староста явно обрадовался, что беседа поменяла тему. – Я и сам могу многое сказать. Поговаривают, что отцом его был вовсе не человек, а пещерный тролль. Много у кого отцами бывают тролли, особенно у тех женщин, кто имеет отношение к рудным работам...

– Вы серьезно в это верите, хире?

– В шахтах всякое бывает.

– Где же здесь шахта?

– Шахта в горах, что к северу от поселка. Вы не могли ее видеть, ибо восемь лет назад она была закрыта. Ранее там добывали медь, и севернее помещалось целое селение рудокопов. Сейчас оно покинуто – шахта иссякла, и люди уехали в иные места. Кое-кто остался, и среди них – мать Хаанса.

– Он совсем слабоумен?

– Изрядно, но куда умнее многих дураков, что я видел. Он обиходит себя, не несет ложку в ухо вместо рта, умеет смотреть за скотиной, помогает по дому...

– Он зол, – заметил Бофранк.

– А кто бы не был зол на его месте? С рождения несчастного урода всячески шпыняли и обижали, так с чего ему любить людей?

– А что вы скажете о кладбищенском смотрителе, хире Офлан? – решил изменить тему конестабль. Староста намазал на хлеб желто-коричневый мед и отвечал рассеянно:

– Фог? Что вам до него, хире конестабль?

– Он живет на отшибе, возможно, что-то видел или слышал. Одинокие люди всегда наблюдательны.

– Что ж, можете навестить его. Кстати, нельзя ли попросить вас об одолжении – передать ему круг сыра?

– Велите моему слуге взять, – безразлично сказал конестабль. – И пусть седлают лошадей – мы поедем с ним вдвоем, верхом.

Каналья Аксель, конечно же, не обрадовался поездке; он не был мастером верховой езды и в седле сидел препотешно – дрыгался, клонился в стороны, цеплялся за упряжь и луку седла и, казалось, вот-вот упадет. Большущий круг сыра поместили в седельную сумку, и Бофранк настрого предупредил симпле-фамилиара, чтобы тот не смел ковырять от него в дороге.

– Что нам делать на кладбище? – ворчал Аксель, когда они ехали по улице. – Что там, кроме мертвецов? А до мертвецов добрым людям дела нет, как и мертвецам до добрых людей...

– Нам надобны не мертвецы, а тамошний смотритель, – сказал Бофранк, которого Аксель весьма забавлял в те минуты, когда не докучал ленью и обжорством.

– Смотритель! Вот тоже странный человек. Что ж делать доброму человеку среди могил? Я понимаю, что могилам уход потребен, но не жить же возле них. Попомните, хире, хороший человек среди мертвецов жить нипочем не станет.

– Вот и посмотрим, что за человек этот смотритель.

– Да что там смотреть? Я вам и так скажу, что нехорош. Вот увидите, так и выйдет.

Колючий кустарник, окружавший кладбище и отделявший его от дороги сплошной изгородью вышиною примерно до груди, был Бофранку неведом. Сухие ветви почти без листьев, но

зато в длинных крючковатых шипах с неприятным удивлением констебль заметил нескольких мертвых птиц.

И снова Бофранк отметил, как отличаются здешние надгробия от городских, на которые мастера тратили порой не одну неделю работы. Тропинка, ведущая от дороги к кладбищу, пересекала это скорбное место и как бы разделяла скопище могил на две половины. Слева, насколько мог судить Бофранк, помещались старые захоронения – об этом красноречиво говорили старые, подгнившие и покосившиеся деревянные столбы. Правая половина, находившаяся ближе к поселку, не так угнетала глаз – на некоторых столбах сохранились даже увядшие гирлянды цветов, коими в здешних краях провожали в последний путь почивших.

Две белые козы были тут как тут – боязливо смотрели на всадников, будучи привязаны к колышкам и не в силах убежать.

– Смотритель, старый Фарне Фог, живет одинешенек, тихий и приятный человек, – припомнились констеблю слова Демеланта. Только он успел подумать это, как дверь домика отворилась, и на низеньком крыльце показался означенный смотритель – лысоголовый старичок в скромном облачении, которое выказывало древность происхождения, но было при том умело залатано и содержалось в порядке. Довольно новый наряд симпле-фамилиара Аксея был не в пример более запачкан, особенно пятнами жира и винными кляксами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.